

Николай Полевой

Мешок с золотом

Николай Алексеевич Полевой

Мешок с золотом

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=663645

*Избранные произведения и письма: Художественная литература; Л.;
1986*

Аннотация

«Мы плохо знаем русские деревни: и не диво! Мы проезжаем в них, редко гостим, никогда не живем. Есть ли время наблюдать, спрашивать, записывать, если наблюдатель скачет на почтовых, подле грязной станции кричит только что: «скорее, скорее» – и в лаковую карету свою требует только подорожную? О скакунах *по казенной надобности* и говорить нечего...»

Содержание

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

4

23

Николай Алексеевич Полевой

Мешок с золотом¹

*...И в городе горе, и в деревне горе —
куда от горя деваться! Зато в городе
радость и в деревне радость; отчего же
с нею-то люди редко встречаются?...*

Мы плохо знаем русские деревни: и не диво! Мы проезжаем в них, редко гостим, никогда не живем. Есть ли время наблюдать, спрашивать, записывать, если наблюдатель скачет на почтовых, подле грязной станции кричит только что: «скорее, скорее» – и в лаковую карету свою требует только подорожную? О скакунах *по казенной надобности* и говорить нечего. Путешественники наши ездят по городам, а в городах обедают у воевод², пьют чай у предводителей и в пятьдесят граф своих статистическо-географических описаний вставляют сведения о посевах и жатвах, наугад сказанные, которые могли бы они отыскать в Петербурге. Ка-

² ...обедают у воевод... – Имеются в виду градоправители (звание воеводы как начальника города было упразднено в 1775 г.).

питаны-исправники, не все мастера наблюдать нравы и обычаи, умеют подписывать только свои имена. А помещики? Да, они живут не в городах иногда, но и не в деревнях. Будто *псарня* – деревня, будто *господский дом* – деревня! Тот худо знает быт наших помещиков, кто назовет его *деревенским*. Правда, есть разница между житьем помещика в городе и в деревне: в деревне подчивают вас шиповкой, а не шампанским, возят гулять между полями, засеянными хлебом, и до смерти надоедают вам рассказами о жатвах и покосах; но тут и кончилось все деревенское! Тот же бостон после обеда, те же слуги с тарелками за обедом, те же концерты, которые надоели вам в городе, те же кухни, тетушки и матушки, те же шляпки и чепчики, гувернеры и моськи, которых вы видали в городах зимою. Иногда помещик захочет показать вам деревенскую простоту: приказчик стонит на барский двор *мужиков и баб*, господин даст им поцеловать ручку, велит петь, плясать, кланяться и дозволяет напиться допьяна.

Узнаете ли деревню в таком деревенском быту? Повторю, что сказал: *мы не знаем русских деревень*. Наши сказочники редко попадают на правду: они списывают большею частию не свое, а всего скорее ничего не пишут о русских деревнях. Оттого мы представляем себе их и хуже, и лучше, нежели каковы они в самом деле. Бульварный романист розовою водою разрисует вам счастье, милое, беззаботное веселье русского пастушка, нежную подружку его, сельскую красавицу, а читатель его, когда, ехавши по большой дороге, въезжает в

русскую деревню, тонет в грязи или колотится по деревянной мостовой, видит два ряда однообразных, запачканных или выбеленных, хижин, несколько колодцев по обеим сторонам, пестрые перила вокруг дворов, толпу народа у питейного дома, сельских красавиц в понявах и сарафанах, совсем не поэтических, когда за ним бегут ошипанные, босые мальчишки и просят милостыни... Признайтесь, что читателю идиллий розового романиста русская деревня кажется недостойною красок и лиры, а розовое описание – просто враньем? Но и бульварный романист, и читатель его равно ошибаются.

Нет! Не в господский дом, не на почтовых и не по большой дороге надобно нам ехать. Посох в руки, далее в сторону от пыльной дороги, в лес, в поле: там русская деревня; идите в ту деревню, вокруг которой, не тронутые ни исправником, ни помещиком, стоят огромные стоги сена, а на гумнах скирды хлеба торчат, как сахарные головы, и желтеют от лучей заходящего солнца; мельница стучит, и колдун-мельник³ насыпает возы хлеба; тучные, беззаботные стада бродят вокруг. Для чего толпу людей подле бахусова храма⁴ вводить в характеристику русской деревни? Это шалуны, повесы деревни: этот народ везде водится. Я поведу вас лучше к мирской избе⁵, где люди бывалые, как лунь седые, и зажи-

³ *Колдун-мельник.* – Согласно народным поверьям, ремесло мельника предполагало общение со сверхъестественными силами.

⁴ *...подле бахусова храма...* – то есть около питейного дома.

⁵ *...к мирской избе...* – Для так называемых «государственных крестьян» (лич-

точные крестьяне толкуют и судят *миром* и *с миром*, важно, чинно. Не презирайте их совета: дело большое занимает их. Батюшке-царю понадобились люди: у него война за святую Русь с басурманом, с французом, с шведом, и они гадают, кому черед на царскую службу, они расстаются с детьми, с родными. Пойдем в церковь их, простую, благолепную, посмотрим на ряды крестьян, взглядимся, как тихо, внимательно слушают они слово божие, как усердно, в простоте сердца, кладут земные поклоны. Святость религии живо почувствуете вы только в сельской церкви, где ум покорен вере, где жизнь безвестная, начинаясь крещением в храме, кончится в нем же, и скромный крест дедовской могилы виден юному внуку из окон хижины его. Не бойтесь грубого балахона и зипуна крестьянского: под ними часто бьется сердце золотое, доброе, горячее. Русский крестьянин говорлив, словоохотен: поговорите с ним, спросите у него, не пугайтесь его неученого выговора, его невылощенных фраз: вы найдете в них ум свежий, простой и нередко сильный. Крестьянки русские – не пастушки аркадские⁶, но как часто вы увидите на щеках их розы, в сердце найдете сильные страсти, услышите от них речь умную и смысловую. Подите в деревню

но свободных, живущих на казенных землях) были установлены особые формы самоуправления – мирской сход и мирские выборные. К этой категории крестьян относятся и герои повести Полевого.

⁶ *...пастушки аркадские...* – Аркадия – область в Греции. В литературе эпохи античности, а затем и XVI—XVIII веков изображалась счастливой страной с патриархальной простотой нравов.

вечером, в праздник, когда хороводы их, издалека видимые, пестреют на зелени луга: до сердца русского долетят звуки их родной, унылой песни; они напомнят ему безвестную красавицу, погибшую от любви к милому другу, доброго молодца, который не пережил красной девицы... Нет, друзья мои, я знаю русских крестьян, я живал, говаривал с ними, просиживал вечера в их беседах, в их хороводах, слышал многое, что западало мне в душу и оставалось в памяти. У них свой мир, свои поверья, свой ум, свои недостатки и добродетели. Дай мне перо Ирвинг⁷, Цшокке⁸, я рассказал бы вам много, много такого, что стоило бы рассказа о наших городских красавицах, швейцарских пастухах и шотландских горцах. И как мне жаль, что я не могу изобразить вам настоящего быта русских крестьян, их жизни, нравов и обычаев! И в деревнях так же горят страсти, так же любят, так же бывают счастливы и тоскуют, как в белокаменной Москве и в позолоченном Петербурге. Там есть свои богачи, свои бедняки... Кстати, послушайте: мне пришла теперь в голову *быль* русская, простая, неукрашенная; я расскажу вам, как она случилась. Мой рассказ не выдумка. В Москве многие помнят еще эту *быль* и не дадут мне солгать. Я выведу вам русских крестьян, буду говорить их языком, и – припишите моему неумению, если

⁷ *Ирвинг* Вашингтон (1783—1859) – американский писатель-романтик, один из популярнейших иностранных авторов в России 1820-30-х гг.; его произведения высоко ценились Полевым.

⁸ *Цшокке* Генрих (1771—1848) – широко известный в России пушкинской поры швейцарский писатель. Как и Ирвинг, печатался на страницах МТ.

простой рассказ мой вам не понравится.

* * *

В нескольких десятках верст от Москвы жил-был в одном большом селе крестьянин... назовем его *Федосей*, сын крестьянина Панкратья; имени деда он почти не помнил, а прадедовой и могилы не знал: крест с нее свалился, она вросла в землю и сравнялась с землею. Фамилий у крестьян наших почти не бывает; разве изредка привяжется к кому-нибудь из них кличка *долгорукого, намазаного, сухого, хромого*. Горожане страх как дорожат такими кличками, а в деревнях этого обычая не водится. Итак, просто *Федосей Панкратов* жил и поживал в своем большом доме, молился богу, любил жену, любил детей (бог дал ему трех сынов) и мало знал горя и кручины. Добрые люди говорили, что бог благословил Федосея за его добродетель, его гостеприимство и радушие ко всякому. В самом деле: у Федосея всегда бывали отворены ворота для проезжего и прохожего. Принимал он ласково, сено весил честно, овес мерял с верхом, кормил сытно и за все брал дешевле других. С проходящих же Федосей ничего не брал, а иногда, видя хворого, который тащился на родину из Москвы, где работал в поте лица и откуда вместо деньжонок нес пустую котомку, Федосей даст, бывало, еще бедняку на дорогу хлеба и гривенник, а иного, едучи по пути, довезет до ближней деревни и за все требует одного; *помолись за Федо-*

сея! Если же шел странник или шла странница в Киев или в Соловки, Федосей всегда, бывало пошлет на свечку. Он любил и погулять с приятелями, но не в кабаке: люд у него собирался почетный, выборные, сотские⁹; сам староста, бывало, обнимается с Федосеем и уверениям в дружбе, спасибом за хлеб, за соль конца нет. Федосей живал на добрую статью: только у него и у старосты в целом селе были самовары, и когда, бывало, поразгуляются гости, то самовар и на стол, и пока осушат его, воды не жалеют; чай пивали у него все гости с сахаром, вприкуску, и многие, жалея сахара, уносили кусочек его домой ребятишкам, а желтую воду, которую называли чаем! выпивали так, просто. По самоварам, что ли, у старосты с Федосеем было особое душевное сродство и приятельство. Федосей радовался этому, и не без причины: три сына молодец к молодцу, росли у него; у старосты была дочь – загляденье, и наследница всего добра. Сколько увивалось вокруг нее молодежи, сказать трудно! Но красавица Груня ни на кого не смотрела. Староста Филарет, отец ее, высматривал, выглядывал молодца, хотел избранного принять к себе в дом, и вся деревня думала, что Ванюше младший сын Федосеев, будет зятем старосты.

Но почему так думали люди? Надобно признаться, что хотя все сыновья Федосеевы были молодцы статные, видные, добрые и работающие, но старший – зашибался хмелиной! Бог знает, откуда привязалась к нему эта беда! кажется, что и в

⁹ *Сотские* – выборные (обычно от ста дворов) должностные лица.

роду их не бывало пьющих. Кто русский человек не пьет? Но выпить с радости не беда, а пить, что пьяну быть, – это, всякий православный скажет, не лучше картежничества. Что ж делать! Беда такая случалась с бедняком Осипом редко, но все случалась, и иногда Федосей куда грозно высчитывал ему худые следствия его дурной склонности. Осип плакивал с горя, крепился, давал обещания отцу и матери и опять не мог устоять против искушения. Особливо проклятые московские рестораны пуще всего губили Осипа. Бывало, Осип придет в Москву продаст хлеб, овес, живности, и только что зазвонит у него денюга в кошелек, откуда ни возьмутся *приятели*, зазовут распить полгаленка чаю¹⁰, разопьют: Осипу надобно *поставить* другой, там пивца, и Осип начнет писать мыслете¹¹! Масляные здоровяки, прислужники ресторанов, хорошо знают, чем приласкать деревенского гостя. Их беганье, их обольстительное стучанье тарелками и чашками, их услужливые крики: «ась, ась, ась», когда гость стучит повелительным ножиком в медную полоскательную чашку, – все это гибель крестьянскому карману, здоровью и счастью. Знаете ли, что меня всегда грусть берет, когда я хожу по московским улицам и вижу в растворенные окошки добрых наших крестьян вокруг засаленных скатертей в ресторанах! Шагу по Москве не ступить, чтобы не попался вам «Лиссабон»,

¹⁰ ...полгаленка чаю... – то есть полпорции.

¹¹ ...писать мыслете... – то есть идти шатаясь, зигзагами, заплетающейся походкой («мыслете» – старинное название буквы «м»).

«Краков», «Казань», или рука из облаков с подносом и чашками, или два самовара, намазанные по сторонам слова «Рас-терпяция». Я готов бы каждому посетителю их сказать: «Что ты здесь делаешь, бедняк! Беги домой, стыдись торжественного красного лица своего; купи лучше на свой рубль саек домой, обновку жене... лучше брось их в воду, а не трать в ресторации...» Но *приятели*, верно, не так говорят, и не так говаривали они Осипу Федосееву. Приятели в крестьянстве – то же, что в высших обществах картежные игроки: это выжига¹², подторговщики¹³, кулаки базарные¹⁴: они бывают богатые и бедные. Все порядочные люди от души их презирают; многих можете отличить по щегольским жидовским кафтанчикам, по жилету, по галстуху, по подбритым волосам: но их терпят в деревнях так, как терпят игроков наши знатные бояре, графы и князья; с ними советуются как с людьми опытными. К несчастью, часто в свете принимают плутовство и шалости за *опыты* и испытанного в шалостях и плутовстве называют в деревнях *бывалым, третьим калачом, прошедшим сквозь огонь и воду*, а в городах *опытным, перегоревшим в страстях*.

Но я заговорился и забыл, о чем шло дело. Разумеется, – что Осип не мог уже нравиться старосте и быть суженым Груни. Брат его средний был, что называют у нас, мизантроп, а в

¹² *Выжига* – плут, опытный мошенник.

¹³ *Подторговщик* – подставное лицо, набивающее цену на торгах.

¹⁴ *Кулак базарный* – безденежный перекупщик, живущий обманом.

деревне – *нелюдим*. Сызмала он рос молчаливый, угрюмый, не ходил в посиделки и хороводы, бегал от людей, а в беседах сидел задумавшись, как будто иголку проглотил. Отцу нечего было на него пожаловаться: Сергей был притом овечка дома и вол на работе. Что же? Ведь не вложишь веселья в душу, когда она веселиться не хочет! Бывают уж такие невеселые люди сроду, бог знает отчего. Такому человеку дайте чинов и почестей, золота и серебра, и добрую жену, и всяких земных благ: у него душа все отталкивает, ей все не мило; хандра, как червяк, точит сердце, и напрасно говорят, что у простых людей ее не бывает. Такой нелюдим могли понравиться Груне, веселой, резвой? Сергей же сказал отцу своему наотрез, что никогда не хочет жениться. Федосей думал, качал головою, наконец сказал: «Авось образумится» – и оставил попечение; тем более что Ванюша, третий сын его, любимец матушкин, был и красивее обоих братьев, и несколько не походил на них.

Вот был красавец и душой и телом! Русые волосы его кудрявились на голове сами собою; румянец играл во всю щеку, хотя загорелое лицо и грубые руки показывали, что Ванюша был не белоручка. В самом деле: никто лучше его не умел сладить бороны, обтесать доски, загородить клетушки, покрыть соломою навеса, выпрячь, запрячь и в ухабе сберечь, как говорит пословица. На покосе он шел всегда в первой косе; верно узнавал он ведро и ненастье по приметам, и ничто из рук у него не вываливалось. Но, бывши первым в ра-

боте, он не был вторым и на посиделках и в хороводах. Когда в праздник выходил он щеголем, в своей черной поярковой шляпе¹⁵, красной александрийской рубашке¹⁶, шелковом пояске с серебром, в кафтане нараспашку и шел по деревне, то всякой девушке бывала надобность выбежать за ворота или выглянуть за окошко: то надобно было подать Христа ради, то надобилось бежать к колодцу за водою, то курицы уходили далеко, то маленькие братишки плакали. Но что и говорить о причинах, когда девушка их сыскивает! Мне кажется иногда, что бог заменил у женщин ум хитростью, и девушки так же бывают хитры в деревнях, как и в городах, когда надобно украсть минутку у работы или провести старушку бабушку и старичка дедушку. Я сам видал... Но что толковать о старине! Разумеется, что Ванюша не был олухом при ласковости своих соседок. К одной подвертывался он с приветливым словцом; другой кланялся; идя мимо третьей, затягивал песенку, в которой величались ее черные глаза или русые волосы. А глаза Ванюши говорили лучше всяких песен: этот разговор понятен везде. Зато конца не было приветствиям. «Ванюша, здорово!» – раздавался тоненький голосок с одной стороны. «Куда ты, Ваня?» – говорили с другой. «Иван Федосеич! здравствуй. Каково ты живешь? Будешь ли сегодня

¹⁵ *Поярковая шляпа* – сделанная из поярка, шерсти от первой стрижки молодой овцы.

¹⁶ *Александрийская рубашка* – из красной бумажной ткани, включающей и нитки другого цвета.

у свата Парамона?» – спрашивала третья. А когда в хоровах и на посиделках являлся Ванюша, тут-то бывало шушуканья у девушек. Песню ли он запевал – голос его заливался в звонких перекатах; сказку ли начинал сказывать – прибауткам и присказкам счета не было. Девушки смеялись, хохотали, сердца их бились сильно-сильно, щеки горели, глаза сияли, как звезды: в деревнях не умеют скрывать сердечного чувства. Староста Филарет улыбался, поглаживал бороду и усы и толкал Федосея, когда Ванюша начинал пляску с Грунею. Федосей готов был сам пуститься вприсядку с радости и только что, бывало, не вымолвит: «Ну, брат, Филарет Карпыч: какова парочка?» Груня шла павою, а Ванюша соколом подлетал к ней и коршуном вился вокруг красавицы.

Но вот беда! Вдруг девушки разлюбили Ванюшу – и по делам: он перестал им кланяться, заигрывать с ними, зашучивать. Что за спесь такая? Какая спесь! У Ванюши на сердце шевелилось что-то напущенное. Он стал невесел, неразговорчив, задумывался... Уж не братнина ли хандра на него навязалась? Нет! Он разлюбил всех и полюбил *одну*, и так полюбил, что ему не спалось, не пилося, не елось. Эта *одна* была Груня, дочь старосты Филарета. Бог знает отчего: видал он ее прежде, и певал с нею, и говаривал, и плясывал, а все не догадывался, что она такая близкая родня его сердцу, что без нее свет не мил ему, а с нею только он и хорош, и красен. Странное дело, что и к Груне перешла такая же тоска: она сидела дома, повеся голову, сложа руки, и мать не один раз

вспрыскивала ее святою водою, крестила, благословляла, и все было бесполезно: Груне не становилось радостнее. Дивитесь еще тому, что ни Груня Ванюше, ни Ванюша Груне не смели сказать словечка, даже стали реже сходиться вместе, тосковали, не видя друг друга, а если знали, что где-нибудь могут встретиться, то не шли туда. Еще больше: им показалось, что они даже не любят друг друга. Если это кажется вам невероятным, то вы не любили или любили только половиной сердца. Такова бывает любовь настоящая. Девушки! не верьте краснобаю, если он вам красиво рассказывает, как он вас любит, как ему ничто не мило без вас! Спросите у меня: я любил, я натерпелся горя от злодея-сердца, и я скажу вам, что тот, кому суждено сердце ваше, тот сначала покажется вам и дик, и нелюдим; вам покажется, будто он даже не любит вас, и вы его не любите! Видали ль вы грозу? Вспомните, что сперва найдет черная туча и все заволочет в глазах ваших: темно, грустно, тоскливо, а потом уже засверкают молнии и покатится гром, и снова засветит солнце. Туча – первая тоска любви, гром и молния – любовь сердечная; громом и молнией небо целуется с землею, как жених с невестою.

Но как же это случилось, что Ванюше запала тоска на сердце, когда прежде ее не было? Знаете ли вы, красавицы, ревность? Если не знаете, не дай вам бог знать ее, но то горе, что по ней только узнается любовь! Вам покажется – не то что вас не любят, – это бы ничего... но что любят другого или другую! Нелюбовь все еще можно снести: можно уме-

реть, и надежда гробовой тишины разве не отрада душе? А ревность и за гробом не дает покоя: каждая улыбка счастливица шевелит бедный прах отверженного; грустно, тяжело и в могиле отказаться от приюта, в котором отказало нам в здешнем мире сердце человеческое!

Вот такую-то тяжелую ревность узнал Ванюша, а с нею узнал и то, что он – *любит* Груню! Когда прежде он краем уха слышал, что их называли ровней, парочкой, любовь была для него то же, что жизнь для здорового: он ее и не чувствовал; а когда ревность, как злая болезнь, привязалась к нему, он увидел, что без любви Груниной и свет божий не мил, так, как в болезни только мы узнаем, что жизнь дорога, мила человеку.

Совсем нечаянно в селе появился *Москвич*: это был сын одного тамошнего старика, но он смолоду ушел в Москву, жил в Москве долго, пропадал без вести, торговал в овощной лавочке, переколачивал всякою всячиною – и совестью, как говорили многие. Этот Москвич приехал в село, когда услышал о смерти старика отца. «Не велико, брат, твое наследство!» – говорил ему староста, вводя его в запустевшую отцовскую хижину, бедную и закоптелую. Но Москвич, верно, знал лучше старосты, что у старика водилось добро. Щегольски был он одет, весело смеялся. И вот начал он переворачивать старые ветоши, распечатал и растворил сундук, на котором спал и умер старик, отец его, и – как изумился староста, когда из сундука Москвич вытащил пучки ассигнаций,

свертки рублевиков, все старинных! По всей деревне заговорили о богатстве Москвича; он гоголем заходил по улице, стал приторговывать себе дом, начал ластиться к девушкам. Ванюша пришел на беседу к старосте – и что же? Подле Груни сидит Москвич, говорит и смеется, и Груня разговаривает с ним и смеется; Ванюше показалось, что она и не глядит на него! Бедный Ванюша! Где бы Москвичу так сплясать, спеть; но Ванюша сидел, как истукан, в глазах у него было темно, голова кружилась, а Москвич отличался: язык его был настоящая трещотка. Он не умел петь и плясать, зато рассказывал о Москве, о Кремле, об Иване Великом, Сухаревой башне, боярских домах, садах, большом московском колоколе, и все его заслушались, зазевались! Чего Ванюша не смел бы сделать года в три, Москвич сделал в три дня. Он уверял уже всех, что свел Груню с ума, что сватается уже за нее, что староста согласен... Ванюша не знал, что делать: говорить ли с Груней, упасть ли в ноги к отцу и матери и просить их родительского благословения? Между тем другая, тяжкая беда легла у него на плечах.

* * *

Если люди говорили, что бог благословлял Федосея за его добродетель, то отчего же вдруг напасти нашли на этого доброго человека? Люди говорят, что будто без беды век прожить – значит не быть любимцем божьим и что судьбы бо-

жий испытывают человека бедствиями, чтобы он не забывался во всегдашнем счастье и в бедах перегорал на новое счастье, как золото в горниле. Правда, истинная правда; но правду эту узнают после, а когда горе посетит человека, то куда горько быть с этим гостем, и *любимца божьего*, бедняка, люди страх как не жалуют. Справедливо ли они поступают, не знаю, знаю только, что когда у человека есть где попить, есть что занять, то вокруг него народ вертится, как пчелы вокруг улья, а когда человек горемыкой засядет без хлеба, то ни один не повернется к нему, ни одно ласковое слово не приголубит его; люди идут мимо: бедность не их, а божье дело! Иногда, смотря на мир православный, подумаешь, что в свете только два рода людей: одни, у которых *есть* деньги, другие, у которых *нет* денег; первым все хорошо и ладно, другим все плохо и неладно, и эти два разные рода не братья друг с другом!

Так случилось и с Федосеем. Вдруг ночью, когда все спали, загорелся у него дом, разом вспыхнул, и едва Федосей и семья его успели выскочить. Дом горел, как свеча; тушить было некому, потому что соседи отстаивали свои дома, а другие едва успевали тушить головешки, которые разносило по всей деревне. Труб пожарных в наших деревнях не знают; правда, у ворот каждого дома написано, кому с чем бежать на пожар: иному с топором, другому с багром, третьему с ведром; да это написано на воротах, а не на сердце. Притом же люди ленивы бегать на чужую беду. Пока просыпались, зе-

вали, спрашивали, где горит, жалели – словом, пока сошелся народ, на месте Федосеева дома было только пожарище, выгорал погреб, и торчали черные верей¹⁷ ворот да печка. Однако ж смелым бог владеет: дети Федосеевы бросались в огонь, вынесли благословенную икону, сундук, вывели пару лошадей, корову, хотя едва сами не сгорели. Федосей не плакал, молчал, когда народ шумел, спрашивал, от чего и как загорелось, когда каждый отвечал, рассказывал, толковал, советовал, жалел. «Божья воля!» – промолвил наконец Федосей с глубоким вздохом. Ах! Он посмотрел на своих полунагих, обожженных детей, и на душе его стало горько.

И вот Федосей без дома. Это бы еще ничего, но вдруг открылось, что в сундуке его не было пучка ассигнаций и свертка рублевиков, как у родителя Москвича. Был у него запас хлеба и добра – сгорел; были долги за разными, но если нет должнику надежды занять еще, то заимодавец может поклониться своим деньгам. Так и с Федосеем сбылось: у одного из должников его не случилось денег, другой обещал, третий хотел отдать: никто не платил. Нечего делать. Пошел сам Федосей занимать. Знаете ли, что для человека, бывшего богачом, ничего нет тяжелее первых дней его скудости! Еще платье его и лицо не угнетены злодейкою бедностию, еще не привык он к унижению, к бесстыдству, с какими бедняк просит, обещает, слышит отказы, кланяется, а люди уже переменились к нему совершенно, видят в нем нищего и тем силь-

¹⁷ *Верей* – столбы, на которые навешиваются ворота.

нее язвят его сердце своими шутками, расспросами, самую жалостью своею. По крайней мере так все кажется бедняку. Я уверен, что люди добрее, нежели мы о них думаем, судя по видимому, но вините несчастное положение всех предметов в мире: счастливцев смотрит на них с одной стороны, где свет, а несчастливцев с другой, где тень: одному светло, другому темно. Бедность иногда похожа на преступление: не об ней говорят, а она краснеет; о ней сожалеют, а она думает, будто над ней смеются. Что делать! И вот нужда гнет бедняка помаленьку, пока он отучится глядеть на небо и станет ходить, наклонясь к земле, как будто ищет потерянного клада; но клады ныне редки на белом свете... где, найти их! Так и идет дело в своем порядке, пока могила всех уравнивает, богатей и бедняков.

Уже добрые дети Федосея очистили место пожарища; на деньжонки, которые успели собрать, купили лесу, ладили, строили, но еще недоставало много, чтобы на месте, бывшего большого дома построить хоть небольшой домишко, вместо тесу покрыть его соломой и укрыться от зимнего холода. Федосей жил в избе своего соседа, из дружбы... Но в чужом углу куда тесно жить: и горшок щей Федосеевых как будто мешал горшку щей его хозяина, и хозяйской корове мешала корова гостя. Задумавшись, Федосей пришел к старосте Филарету, старому другу, с которым часто пивал из одной кружки. В сенях встретила его Груня, обрадовалась, чуть не заплакала, и Федосей, вспомня былое, также чуть не запла-

кал. «Добрая примета!» – подумал он, вошел в светлицу, помолился. Черный ворон, Москвич, сидел уже тут, и староста навеселе шумно разговаривал с Москвичом.

– Федюха, здорово! Что скажешь, братище? – проговорил староста, поворачиваясь к Федосею, но не вставая.

Будто морозом обдало Федосея: с ним говорили уже, как с бедняком! Но скрепя сердце, он хотел заговорить о постороннем: его не сажали, а когда он сам сел, староста поднял бороду кверху и горделиво промолвил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.